

ПЕРЕВОД С БОЛГАРСКОГО.

93
Рассекречено
СЕКРЕТНО

Экз. №...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

5 декабря 1944 года.

Я, д-р Иван Георгиев ВАЛКАНСКИЙ, бывший Главный директор Народного здравоохранения, 55 лет, не был судим, на заданные мне вопросы - отвечаю:

I | Какие меры я принял, как возглавляющий службу по здравоохранению, для того, чтобы уберечь Центральный аптечный склад от пожара, который возник в нем.

- Еще начиная с 1942 г., а особенно еще с начала 1943 г. я, самым настойчивым и категорическим образом, приказывал начальнику фармацевтического отдела Г.Нестору Личеву "децентрализовать" Центральный аптечный склад. Разумеется, этот приказ был устным, также, как ^{устно} Гл. директор отдавал все приказы и распоряжения по службе - по борьбе с заразными болезнями, либо по борьбе с малярией, либо по снабжению лекарствами [как в данном случае] и пр. С тех пор, как я служу в Дирекции Народного здравоохранения [около 15-16 лет] никогда не издавались в письменной форме текущие распоряжения по службе. В дальнейшем не раз я интересовался тем, каковы успехи в деле децентрализации склада. Я помню, что как начальник отдела г.Г.Личев, так и начальники отделения [по снабжению лекарствами - г.Петко Торбанов и аптечного - г.Ив.Дражев], докладывали мне, что

несмотря на трудности с перевозкой, постепенно часть склада распределена по наиболее крупным больницам в качестве неприкосновенного запаса, а подавляющая часть, почти все остальное, эвакуировано в село Новосельцы|Софийского уезда| в большое здание дома здравоохранения, в Искрецкий санаторий| в его многочисленные сухие подвалы| и в государственную больницу г.Самокова. Мне также докладывали, что абсолютная, 100-процентная эвакуация склада невозможна и что определенная часть медикаментов, больничного белья, мед.принадлежностей и проч.должна находиться в Софийском Централ.апт.складе потому, что отсюда удовлетворяются нужды всей юго-западной части страны и еще потому, что прием поставок должен производиться в Софии. Во всяком случае мне неоднократно докладывали, что приняты все меры к тому, чтобы разослать доставленные медицинские материалы немедленно по складам в провинцию. Доклады нач.фарм.отд., его постоянного помощника и заместителя нач.отд.по снабжению лекарствами г.Горбанова|. При Центр.аптечном складе имеется и швейная мастерская для больничного белья.Я приказал хранить материалы для швейной мастерской лишь в ограниченном количестве, а остальные - в Искреце или другом месте, а сшитые материалы также немедленно рассылать. Это может вспомнить и подтвердить, наверно, и Главный инспектор лечебных заведений д-р К.Фичева, которая руководила деятельностью швейной мастерской. Я помню из докладов, что материалы для швейной мастерской находились на складах, главным образом, в Искрецком санатории и в г.Самокове, сшитые

материалы |простыни, пижамы и др.| - в верхнем этаже бани Овча Купель. Ставился вопрос о том, достаточно ли безопасно в Овчей Купели и я помню, что мне докладывали, что нельзя было эвакуировать материалы в более отдаленные места в провинцию только потому, что не хватало транспортных средств.

- Я требовал и мне докладывали, что данные, об эвакуации берутся из книг Центр.Апт.Склада, по которым всегда известно, что и где находится.

2. Почему оставшиеся в Софийском помещении Центр. Аптечного склада медикаменты и др.материалы не были вывезены особенно после 10 января 1944 г. и особенно после нескольких бомбардировок в начале и в середине марта того же года?

- Вы^{ше} я об"яснил, что мне докладывали о необходимости держать небольшую часть медикаментов, материалов, инструментов и проч. |в Софии|, как об этом меня ставили в известность. Я находил, что в интересах службы было, чтобы это делалось хотя бы и с риском пожара - но действительно минимальная часть, т.е. то, что действительно должно находиться в распоряжении эвакуированных в Софийские села больниц, главным образом, столичного населения, разбросанного по селам, и в распоряжении вновь созданных по этому случаю участков медпунктов. Требования сыпались каждый день, это я помню. Впоследствии, когда склад в Софии сгорел и из материалов назначенного мною расследования, я прочитал и узнал, что сгорели, например, инструменты, которым не за чем было быть в Софии, а также

только что доставленные бинты |насколько я помню
прибывшие из фабрики в Варне| также, как и 3 или 4 ты-
сячи пижам, возвращенных в Софию из Овчей Купели - я
✓ приказал юрисконсульту г. Деветакову |который входил в
в качестве члена в назначенную мной комиссию по рассле-
дованию|, найти виновников. Он об"яснил мне устно, что
насколько я помню, -инструменты были уложены в ящики
для отправки и поэтому находились где-то около выхода,
но их не успели эвакуировать из-за недостатка транспорт-
ных средств или потому что железная дорога не принимала
посылок| точно не помню, помню только, что речь шла о
том, что болгарские государственные железные дороги не
принимали посылок, так как мы обращались в управление
железных дорог с ходатайством по этому поводу|; что
бинты только что были получены для формального принятия
комиссией, находящейся в Софии; и что пижамы были пере-
сланы из Овчей Купели в Софию по приказу д-ра Тр. Зап-
рянова, начальника отделения минеральных бань, который
является начальником бань, для того, чтобы освободить
помещение под общежитие для служащих, оставшихся на
работе в Софии, и для больницы. Я попросил г-на юрис-
консульта изложить в письменной форме и дополнить рас-
следование. Но эта работа затянулась надолго и, кажется,
так и не была закончена в письменной форме. За это
✓ время был уволен г-н Личев, начальник фармацевтического
отдела, который лично был ответственен, как непосред-
ственный руководитель отдела по снабжению лекарствами
и думаю, что вследствие этого увольнения дальнейший ход
расследования остался незаконченным.

3. Кому я давал приказания и кто должен был их приводить в исполнение? - Выше я указал, здесь я должен еще добавить, что непосредственно снабжением лекарствами занимался отдел [Фармацевтический отдел], руководителем которого был Нестор Личев, а его помощниками П. Горбанов и Ив. Дражев. Им я давал приказы и распоряжения и они должны были их выполнять. Начальник центрального аптечного склада г. Терзийский получал приказы от них, главным образом, от начальника Фармацевтического отдела г-на Личева. Г-на Терзийского я вызывал к себе лишь однажды для того, чтобы лично ему сделать выговор за неисполнение [как об этом мне доложил его начальник г-н Личев] какого то приказа об эвакуации, насколько я помню.

4. Получал ли я конкретные доклады по вопросу о больничном имуществе от Центрального Апт. склада и какие меры я принимал? - Таких докладов, ни устных, ни письменных, я не получал и поэтому не было необходимости принимать меры по таким докладам. Но в связи с текущими докладами и периодической текущей перепиской либо со стороны гл. инсп. лечебных заведений Д. Фичева, либо со стороны начальника отдела и отделения по снабжению лекарствами я, наверно, давал приказы и распоряжения в связи с тем или другим вопросом, затронутым в докладах. Я поощрял и требовал от своих помощников инициативы. Но увы! таковая не проявлялась и я лично должен был обдумывать и заботиться почти обо всем, имеющем важное значение.

5. По чьему приказу были возвращены пижамы из Овчей Купели и давал ли я распоряжение об этом и когда? - Выше

я об"яснил, что мне доложили, что они были возвращены по приказу Нач. Отд. минеральных бань г-на д-ра Запрянова, который хотел освободить помещение для общежития. Я категорически утверждаю, что я даже не знал, что именно в Овчей Купели и именно тогда находилось много пижам - об этом я узнал после того, как склад сгорел. Но я и не мог знать и не должен был знать, куда, что и сколько в точности эвакуировано. Это было делом Фармацевтического отдела, которому я дал общий и точный приказ эвакуировать и который постоянно докладывал мне, что, за исключением небольшой части, все эвакуировано. Повторяю: такого приказа я никому не давал.

6. Использовались ли транспортные средства аптечного склада для эвакуации имущества персонала? - Мне неизвестно, чтобы грузовик аптечного склада использовался кем нибудь для личных нужд. Мною лично - категорически нет. Я вообще, за исключением последних ^{телных} принадлежностей, ничего не эвакуировал из своей Софийской квартиры: и библиотека |большая| и мебель, и все до конца осталось в Софии.

7. Вывозил ли я лично для себя уголь из склада Дир. Нар. здравоохранения на машине Дир. Нар. Здравоохранения для своего жилища в Княжеве, куда я был эвакуирован? - Категорически заявляю, что нет. Я употребляю слово "категорически" сейчас и выше, скорее из чувства глубокого огорчения, чем для того, чтобы подчеркнуть силу отрицания, ибо я сознаю, что здесь, в этих показаниях каждое "нет" является и должно быть категорическим. Ни из склада Гл. дирекции Нар. Здравоохранения, ни откуда бы то ни было из другого

места, я не вывозил уголь, да я и не нуждался в этом, ибо в это время я в Княжеве пользовался углем приютившего меня д-ра Ивана Кесякова / которому я еще до сих пор должен около 1/2 тонны угля /, а впоследствии я купил себе уголь там, в Княжеве и если я поищу, я смогу указать лицо, которое привезло мне его.

8. Куда было эвакуировано имущество - ковры и машины Гл. Дирек. Нар. Здравосхранения и кто занимался эвакуацией? - Эвакуацией занимался заведующий хозяйством Асен Гюров в качестве такового, а распорядителями после 10 января были: нач. отд. д-р Георгий Иванов - по отправке из Софии и начальник отд. инж. Конст. Печитаргов - по приемке в Искреце. Знаю, что мне докладывалось, что ковры и машины были отправлены в Искрец вместе с частью канцелярской мебели; другая часть мебели была отправлена в Брезник, куда проектировалось реэвакуировать всю дирекцию; третья часть - в школу в с. Констинброд, где проектировалось открыть больницу для заразных больных и устроить Бюдж.-Контр. Отделение. Это я знаю из докладов начальников отделений / главным образом, моего постоянного заместителя г-на д-ра Хр. Данова, начальника отделения заразных болезней / и самого завхоза Асена Гюрова.

9. Ощущался ли недостаток бензина и бывало ли так, что когда он был нужен для грузовика центр. аптеч. склада, то бензин не выдавали? Часто был недостаток в бензине, но полного отсутствия бензина никогда не было, и я не думаю, чтобы отказывали в его выдаче. Я употребляю слова "не думаю", потому что я лично начал контролировать расход бензина лишь в последнее время, может быть в июне или июле

1944г. |это можно увидеть из специальной книги, которую я приказал с того времени завести|. С удивлением я прочитал в показаниях кого-то |не припоминаю кого| в протоколах расследования по Центр.аптеч.складам, что кто-то кому то отказал выдать бензин и я припоминаю, что на оригинале экземпляра протокола {расследования я написал, что надо собрать подробные сведения об этом утверждении и выяснить это дело. Я думаю, что не только по этому поводу, но и по поводу нескольких других моих резолюций на оригинале экземпляра протокола {расследования необходимо его истребовать и зачитать.

10. Кто дал распоряжение Начальнику центр.апт.складу г-ну Терзийскому после трех последовательных бомбардировок в начале и середине марта 1944 г. перевести все же все эвакуированное в Овечью Купель обратно в Софию? - Не знаю. Лично я не давал такого распоряжения и я не мог знать этого. Каждый честный и добросовестный служащий в аптечном отд., в Фармацевтическом отд., да и в лечебном отд. Дир.Нар.здравоохранения, да едва ли не вся дирекция Нар.здравоохранения знали это и могут припомнить, как я приказывал и следил за тем, чтобы не задерживать материалы или что бы то ни было другое в Центр.апт.складе в Софии.

11. Каковы мои отношения с д-ром Б.Абаджиевым, б. начальником института государственного контр. по |слово неразборчиво| продуктов? - Наши отношения коллегальные, товарищеские. 10-11 лет тому назад я был у него шафером, но даже не я крестил родившегося у него ребенка.

В течение длительного периода - месяцами - мы не встречались, даже, когда он был на службе и теперь я его не видел может быть 2 или 3 месяца. Я его уважаю, как одного из лучших врачей-бактериологов.

12. Какое участие я принимал и что я знаю относительно "инсулиновых заводов" Грозева и вообще об его деятельности? - Об инсулиновых заводах и вообще о существовании г-на Грозева я впервые узнал из одного письма и одного законопроекта дирекции гражданской мобилизации. В своем письме эта дирекция запрашивала, нуждается ли страна в инсулине и в производстве такового; на это письмо было отвечено, разумеется, утвердительно. Может быть лишь несколько дней или недель после этого последовал законопроект, по которому фирме Грозева отпускалось несколько миллионов. Гл. Дирекция Народного Здравоохранения не была осведомлена об этом законопроекте, также как и вообще о какой бы то ни было деятельности г-на Грозева. Лично он произвел на меня впечатление энергичного и делового человека, любезного, но и настойчивого. Вскоре я понял, что за этим первым впечатлением скрывается и нечто другое. Поэтому я приказал руководящим лицам из фармацевтического отдела - они наверно припомнят это - относиться совершенно осторожно к этому господину. Лично я также относился осторожно к нему. Об его деятельности я ничего не знаю. Я знаю только - это я предвидел с самого начала, - что инсулина в промышленном масштабе | не только лабораторным способом | он производить не сможет, потому что знаю, насколько это производство сложно. Я знаю это не только вообще из литературы, как врач, но и из доклада Гл. Инсп. химика-биолога Георгия Радека, которого

еще в 1939 или 1940 г. я командировал за границу для изучения именно возможности нашими собственными средствами удовлетворить наши потребности в этом лекарстве. В докладе г-на Георгия Радека не было ничего обнадеживающего и поэтому я приказал найти способ снабдить страну готовым инсулином из Венгрии, Германии и через Турцию.

Я написал ответы на заданные мне вопросы собственноручно. Пусть мне будет позволено добавить, что написал их с глубоким огорчением, как бывший руководитель дела здравоохранения страны, который ценой круглосуточного труда, окончательного подрыва своего здоровья | я уволился по болезни | и постоянно подозреваемый в коммунизме | потому что я действительно с левыми убеждениями и проводил политику огоруждения аптек, социализации врачебного труда, социальной медицины, защищал врачей-евреев и пр. и пр. | Я сумел в течение 5 лет уберечь болгарский народ от эпидемий и от нарушения здоровья. Лица, задетые моей прошлой, полезной для народа деятельностью, в своих личных интересах или будучи недовольны мною по какой-либо другой причине, очевидно, стараются скомпрометировать меня. Отсюда и огорчения - какая награда за такой 5-летний труд и служение только народу!

Д-р Балканский

Дополнительно отвечаю на заданный мне вопрос, который я пропустил в заметке:

Было ли привлечено мое внимание к деятельности начальника фармацевтического отдела Нестора Личева в отношении его корыстных действий, злоупотреблений в отношении

поставок или пристрастия, и какие меры я принимал для предотвращения их? - Чтобы ктонибудь останавливал мое внимание ясно и определенно конкретными данными или, по крайней мере, конкретными подозрениями [напр. такая - то поставка, такая - то фирма и т.п.] - не припоминаю, а это значит, что никто этого не делал. Припоминаю, однако, что один из министров [точно не могу утверждать был ли это быв. министр Габровский или бывший министр Д. Христов] спрашивал меня, знаю ли я чтонибудь относительно задания о переработке хинина в ампулах, причем предпочтение было оказано фирме Лабоформа, а не Аптекарской кооперации [или фирме "Лаборг" - не помню], в том смысле, что большее количество было дано первой из них. Я ответил, что эти заказы, о которых я ничего не знаю, производятся специальной комиссией, предусмотренной по закону Б.О.П., но что я проверю. Я проверял, об"яснения мне дали начальник фармацевтического отдела Н. Личев и начальник отд. П. Горбанов. Я в этих об"яснениях не обнаружил ничего ¹²уличающего. Больше я не занимался этим вопросом, ибо им занялся вскоре после этого гл. инспектор при Совете министров г-н Георгов, который меня вызывал для распросов, а также собирал копии в дирекции Народного Здравоохранения. Чем закончилось это расследование - г-на Георгова - не знаю. Это было единственным конкретным подозрением против г-на Личева. Однако, иногда от лиц, находящихся вне службы дирекции нар. здравоохранения я слышал недомолвки по адресу не лично г-на Личева, а фармацевтического отдела вообще, при этом пожимали плечами с загадочными улыбками - это были, я повторяю, люди,

находящиеся вне этой службы, которых я теперь не могу вспомнить, чтобы назвать их. Я старался, насколько это зависело от меня, быть бдительным, но я не наталкивался ни на что опорачивающее. По существу все поставки проводились посредством торгов, либо по § 120 закона о Б.О.П. т.е. комиссией под председательством высшего судьи и с участием самого начальника бюджетно-контрольного отдела. Это заставляло меня считать, что не может произойти ничего незаконного.

| Д-р БАЛКАНСКИЙ |

Я, д-р Иван Георгиев БАЛКАНСКИЙ, врач бывший главный директор народного здравоохранения, 55 лет, женат, не был судим.

В июне или июле 1948 г. меня посетил в моем кабинете главной дирекции Народного здравоохранения профессор - д-р Станишев, член Высшего медицинского совета, который сообщил мне, что из немецкой миссии ко мне придет человек, который передаст приглашение выехать в Берлин и оттуда в г. Винницу, Советский Союз, в качестве "гостя", чтобы я увидел, там нашумевшие могилы, что вместе со мной приглашан и председатель болгарского союза врачей д-р Иван Койчев и что в составе [той же группы из 3 человек "гостей" будет и сам он, профессор Станишев! Я сразу же ответил ему, что это приглашение для меня крайне неприятно и что я буду докладывать министру Гобровскому, чтобы он дал свое согласие, на то, чтобы я не принял его [приглашение] по нескольким причинам, главное, потому что все то, что пишется и пропагандируется относительно Винницы для меня лично не убедительно [как для человека, относящегося критически к вещам], противоречит моим чувствам к России, о которых профессор отлично осведомлен, во-вторых, потому что при моем личном понимании, как это профессор сам знает, я не позволил бы сделать себя лично средством пропаганды и не хочу этого, а, наоборот, - я подвергну критике все, что увижу, в-третьих, потому что я нуждаюсь в продолжении лечения [я страдаю ангиной-пекторис], в-четвертых, потому что я не владею немецким языком и т.д. Профессор Станишев принял мой ответ с видимым неудовольствием и как будто обещал сделать так, чтобы ко мне не обращались с приглашением.

В тот же день я посетил министра, тогда это был П. Габровский, изложил ему дело и свои соображения / за исключением первого, насколько я помню, потому что с ним у меня были только строго официальные отношения, без всякой интимности / и попросил его согласиться на том, чтобы я уклонился от приглашения. Министр Габровский также, как и профессор Станишев остался очень недоволен моим желанием и / разумеется, я не помню точных выражений / - дал мне определенно понять, что мой отказ положил бы конец моей службе. Не помню в тот ли, или на следующий день, в мой кабинет пришел г-н д-р Иван Койчев для того, чтобы поговорить со мной по вопросу об этом неприятном положении, потому что я помню хорошо, что для него эта экскурсия была нежелательной, ибо она очевидно была предназначена для чужих целей. Определенного решения мы не приняли, во всяком случае я еще не принял решения положить ли конец своей деятельности в области народного здравоохранения или же подчиниться страшной неприятности. Может быть в тот же день или на другой день в моем кабинете появился секретарь немецкой миссии Бергман / который первый и единственный раз пришел тогда ко мне / и официально передал мне приглашение. Он начал разговаривать по-немецки и, когда я ему объяснил, что я не разговариваю по-немецки, он продолжал на довольно неправильном французском языке. Я ему ответил, что я доложу своему министру. Этим ответом я постарался выгадать еще время для конечного решения, а возможно и для того, чтобы посмотреть, не добился ли профессор Станишев того, чтобы приглашение было взято обратно. Однако, второе не оправдалось. Спустя день или два мне послали

дорожные билеты. Я еще раз встретился с д-ром Койчевым для того, чтобы посоветоваться. Уже не помню, какое он принял решение. Я решил сохранить свое положение директора потому, что в этой должности меня привлекал не большой чин, а страстная любовь к народному здравоохранению, которому я посвятил и профессию и свою жизнь /здоровье/ а, кроме того, я жертвую семейным благополучием. Я добавляю последние несколько строчек только для того, чтобы вкратце об"яснить, что меня заставило сохранить свою должность и принять решение согласиться на приглашение не корысть или страх "о теплом местечке". Принять это решение - способствовало и то обстоятельство, что д-р Койчев и я ехали не в качестве экспертов для установления каких-то фактов, для произведения исследований и для подписания протокола. Если бы от меня потребовали нечто подобное - ничто не заставило бы меня принять приглашение. Уверенность, что я еду только в качестве побочного лица, которое не принимает на себя и не связывает себя никакими обязательствами, явилась для меня решающим фактором. Именно в этом смысле - что я не принимаю на себя никаких обязательств - я разговаривал и с министром Габровским перед тем, как выехать спустя день-или два, когда я должен был представиться ему по этому случаю. С д-ром Иваном Койчевым, с которым мы были в близких товарищеских отношениях /он был членом Высшего Медицинского совета/, а во время поездки мы еще больше сблизились, еще тогда мы приняли решение: что мы не являемся членами комиссии экспертов и сами в отдельности также не являемся экспертами и поэтому никаких протоколов,

заявлений и вообще письменных документов какого бы то ни было содержания мы не подпишем.

Это мы соблюли до конца, причем мы его дополнили словами: и никаких речей или заявлений.

Я ехал в Берлин поездом [нас было двое с д-ром Иваном Койчевым]. Вдвоем же с г-ном д-ром Иваном Койчевым мы были в одной гостинице. Здесь нас посетил д-р Хелмут Хауболд, председатель иностранной секции немецкой врачебной палаты, наш знакомый еще по Софии, где он находился в течение ряда лет до этого, для того, чтобы договариваться о немецко-болгарской врачебной конвенции [между прочим, эта конвенция так и осталась неподписанной, потому что я находил ее бесполезной, чтобы не сказать вредной, и я затягивал, откладывал и т.п. до тех пор, пока интерес к ней со стороны самих немцев не погас]. Не знаю, почему прошло несколько дней, пока нас отправили в Винницу и в течение этих дней нами занимался главным образом, этот доктор Хауболд: водил нас [я говорю "нас" всюду, потому что мы с д-ром Койчевым все время были вместе] в дом врачей и показывал нам еще что то, не помню уже что, из области общей для нас врачебной профессии; да, я вспоминаю, например, что он водил нас к себе, показывал нам какие то старые книги и проч. Речи о Виннице не было. Он нас, однако, познакомил с каким-то лицом [не помню его имени] в форме, довольно хорошо владеющим русским языком, сыном профессора [который много лет тому назад работал на Юрьевском медицинском факультете. Имя этого профессора я тогда припомнил - я сам русский воспитанник - но сейчас не помню его. Так вот этот господин, владеющий русским языком, представился нам в качестве заведующего каким то отделом в "восточных территориях" и заявил, что он нас повезет в Винницу.

В течение этих же нескольких дней [2 или 3] нас приглашали| насколько я припоминаю| на обед, устроенный Берлинским городским головой в качестве председателя Берлинского немецко-болгарского общества, гостями которого - лишь тогда я это понял - мы были, и на ужин | не "банкетный"| в каком-то учреждении немецкого министерства иностранных дел, если я не ошибаюсь, связанном с их пропагандой. Произносились ли на втором из этих вечеров речи, я не помню; однако, я помню, что на обеде, устроенном берлинским городским головой, речи произносились - выступил он сам, а затем кто-то из присутствующих болгар, - если я не ошибаюсь, профессор Станишев. Я не выступал с речами ни там, ни где бы то ни было в другом месте, ни на немецком языке [которым я не владел], ни на французском, английском или русском, которыми владею. Здесь, на обеде, устроенном берлинским городским головой, мы впервые увиделись в Берлине с профессором Станишевым и, к моему удивлению, и с профессором Б.Коцевым, директором пропаганды. Я пишу "к моему удивлению", потому что, если бы я в Софии знал, что я буду вместе с этой личностью, наверно мое решение о поезде в Винницу было бы иным. Я добавляю, что видел их там впервые, потому что они остановились в других гостиницах и ехали отдельно. Теперь я припоминаю, что на устроенном городским головой банкете я познакомился с говорящим на русском языке господином, о котором я писал выше. Наконец, однажды утром из нашей гостиницы в автомобиле нас повезли на аэродром. Там уже ожидала группа шведских или датских не то журналистов, не то чиновников, не то еще кто-нибудь - не знаю, этим я не интересовался ни тогда, ни позже. Я в отношении

знакомств вообще по природе стеснительный. Тем более в той обстановке эти господа меня не интересовали. Я поинтересовался только, имелся ли среди них врач - оказалось, что нет - я узнал, что это не экспертная комиссия, а "гости", как и я. Это для меня было важно. Настроение у меня было плохое [также как и все время] до и после этого, вплоть до моего возвращения в Болгарию, да и долгое время после возвращения, до тех пор, пока работа, любимая работа в Дирекции Народного здравоохранения не поглотила меня целиком, самочувствие было отвратительным; я это признаю, потому что еще тогда я все более болезненно чувствовал в какую кашу, противную моим желаниям и убеждениям, меня замешали. На аэродроме в Виннице нас встретил "господин говорящий по-русски", о котором я писал выше. Нас повели сразу в какую-то военную гостиницу, откуда после краткого отдыха и после того, как мы привели себя в порядок - группами нас повели на место могил. Я забыл написать, что предварительно/ кажется еще в Берлине/ нас снабдили какой-то "литературой" о всей этой афере, разумеется, на немецком языке, которым я не владел, и я из нее понял очень мало. Припоминаю, однако, что говорящий по-русски господин [поскольку я не могу припомнить его имя, я буду его называть в дальнейшем "гидом"/, после того, как он понял, что я и д-р Койчев не говорим по-немецки, пытался об"яснить нам в чем дело по-русски и по дороге к месту подошел к нам двоим и старался говорить с нами по-русски. Потом он нас оставил.

Мы прибыли на место. Было далеко за полдень. У входа в нечто вроде парка, изрытого и грязного, почувствовался трупный запах. Внутри виднелись развешанные на веревках, привязан-

ных к деревьям, какие-то лохмотья; вблизи можно было различить уже, что это части человеческой одежды, а некоторые из них были почти целыми и довольно хорошо сохранившимися. Вокруг этой развешанной одежды и лохмотьев бродило довольно много женщин, почти все одетые в типично русскую крестьянскую одежду, некоторые из них останавливались, рассматривали ту или иную одежду [брюки, рубашки и т.п.] и проходили дальше. Некоторые женщины плакали и убивались. Все это было очень похоже на ярмарку, но с этим не гармонировали этот плач и эти рыдания, как бы они ни были единичны. Мы приблизились к каким-то рвам, кажется, в виде квадратов, довольно глубоким. Рядом с ними, распростертые на свежее выкопанной земле - лежали многочисленные трупы. Все ли они были обнажены, теперь я не помню. В тех же ямах [по крайней мере, в некоторых из них, точно я уже не помню] имелись также трупы, но некоторые из них были обнажены; это произвело на меня впечатление. В одном месте около трупов находился один местный военный врач, судебно-медицинский эксперт, чтобы давать об"яснения. Но теперь мне кажется, что в этот день дело еще не дошло до об"яснений о трупах, а, как будто, это было сделано на следующее утро. [Пусть мне будет позволено пояснить, почему я употребляю часто выражения "мне кажется" и "насколько я припоминаю", это я делаю для того, чтобы быть точным - там, где я уверен во времени или в факте, я пишу это прямо, а там, где я не уверен потому что прошло много времени или по другим причинам, я пользуюсь вышеуказанными выражениями]. Повидимому для нас в этот день была приготовлена другая инсценировка: как население хоронит часть трупов - не знаю

каких, опознанных ли трупов или трупов, идентичность которых была установлена другим способом. Я воздержался от того, чтобы ^{за}завать какие бы то ни было вопросы "гиду" группы или окружающим его. Действительно, нас повели к немногочисленной группе людей, которая виднелась невдалеке во главе со священниками. Приблизившись, мы увидели, что это были местные люди, большей частью, женщины и очень немного пожилых мужчин и что среди попов /их было несколько/ находился один владыка, все они стояли рядом у рва, в котором лежали потребленные трупы или гробы, сейчас не помню, - таким образом совершалось отпевание мертвецов. Даже женский хор пел нестройно, плохо, видимо, импровизированный. ^{Хор} Владыка провел отпевание, произнес надгробное слово, после него выступили с надгробными словами некоторые другие, местные люди, на русском языке. /по существу, на украинском/, на немецком языке; выступили и некоторые из шведов /или датчан, о которых я упоминал выше/; с какой то речью выступил, не предупредив нас заранее, или не будучи уполномочен нами-болгарами и Б. Коцев, директор пропаганды; я не могу припомнить, что точно сказал он, но помню во всяком случае, что он выступил и что его выступление имело пропагандистский характер, о "большевистских зверствах", я помню это, потому что это мне не понравилось и после этого я сказал ему, что лично он может действовать в духе политической должности, которую он занимает в Болгарии, но что он находится вместе со мной, д-ром Койчевым, которые не состоят на этой службе и находятся

здесь как будто в качестве об"ективных гостей. После окончания церемоний толпа разошлась, а нас повели еще осматривать рвы, об"ясняли, что-то по-немецки, повели нас через шоссе к каким-то другим рвам и затем в военную гостиницу. До вечера оставалось еще время, и я, в сопровождении только д-ра Койчева, использовал его для того, чтобы взглянуть на главную улицу города, на которой мы находились и местных жителей, живущих на ней. На меня произвело впечатление то, что как будто имелось мало местного населения и даже те, из жителей, которые мелькали, имели изнуренный и истощенный вид, вид людей, которые не доедают, дети были одеты в лохмотья и со вздутыми животами, очевидно, за ними не было никакого надзора. Прохаживаясь, мы с доктором Койчевым делились впечатлениями о виденном в парке и в городе. Я помню, что еще здесь мы оба выразили свое сомнение по вопросу о состоянии трупов, которые имели вид не подвергнутых особенному процессу разложения в какой-то специальной по своей природе почве, а были странно сохранившимися, что для нас, не специалистов по судебной медицине, было необ"яснимо. Эти наши разговоры были продолжены и расширены на следующий день, а также во время нашего возвращения, о чем я буду говорить дальше.

Вечером "гид", говорящий по-русски, а также какое-то высшее должностное военное лицо, только что прибывшее из соседнего города (кажется, из Житомира), которое являлось чем-то вроде военного коменданта этой области, вместе с

несколькими местными жителями, находящимися на службе у немцев, как например, городской голова, [русский], какой-то другой муниципальный советник, или вроде этого [также русский] и другие военные лица, - повели нас из гостиницы ужинать в местный ресторан. Этот ужин должен был явиться своего рода банкетом, с претензиями на торжественность и изобилие, а в то же время и с претензиями на "русское хлебосоольство" и на русскую кухню. Рядом со мной, находившимся на довольно большом расстоянии от Центральных почетных мест, сидели немцы, которых я не видел до этого вечера и с которыми у меня не было общего языка; но напротив меня сидел муниципальный советник, с которым я разговаривал, старательно избегая малейшего политического оттенка в разговоре. Я помню, что спрашивал его, как они заботятся о здоровье местного населения и, что я ему делал большие упреки по поводу плохого вида голодающих детей на улице, вообще о моих впечатлениях, что как будто никто не заботился о несчастном местном населении. Мы разговаривали по-русски. Он признал справедливость моих констатаций, но не пытался оправдывать себя или объяснять причины. Он у меня спросил, откуда я знаю русский язык и кто я такой - я сказал ему, что я болгарин, не распространяясь по поводу того, кто я такой именно. На центральном месте трапезы слышались громкие веселые разговоры, звон бокалов и начались речи. Они, конечно, произносились на немецком языке, которых я не понял. Выступил и Б.Коцев; что он говорил -

я совершенно не понял и не постарался затем понять, потому что его поведение для меня было ясно. Какой-то небольшой "местный" хор спел несколько русских частушек, какой-то местный "оперный бас" пел романсы, пытаюсь малким образом подражать Шаляпину.

✓ Какие то "балерины", тоже местные девушки, протанцевали народные танцы. Я почувствовал какой характер принимает вечер, особенно после того, как кто-то попытался заставить меня подсесть к одной местной даме, якобы, жене баса (оперного артиста) и поэтому я пригласил д-ра Койчева, который сидел недалеко от меня, уйти. Вместе с нами встали несколько шведов, не помню кто еще (кажется профессор Станишев) и мы ушли в то время, как немцы и их остальные гости, остались заканчивать выпивку и танцы с девушками.

✓ На другой день, утром, до момента нашего отъезда из Винницы (который должен был состояться, кажется, до обеда) время было занято посещением парка с могилами и демонстрацией найденных на трупах предметов. После завтрака нас сначала повели в парк, где местный военный судебно-медицинский врач - эксперт об"яснял что-то по поводу ран на трупах. Раны были на затылках. Я, также, как и д-р Иван Койчев, с которым мы вместе ходили все время и постоянно все комментировали, поняли очень мало, не владея немецким языком, т.е. почти ничего не поняли. Все же мы поняли, что речь идет о том, что на некоторых трупах имеются следы более, чем одной пули и что пули были малого калибра. Вообще эта сторона вопроса не вызвала

во мне интереса(дальше я скажу почему именно). Появился какой-то кино-оператор для производства с"емки ,чего я старательно избегал ,прятался за дерево или за кого-нибудь, или же вообще старался остаться вне об"ектива - мне было противно быть "запечатленным" в этой компании и в этой обстановке, само пребывание мое в которой для меня было мучительным. После этого я заметил, что не-вдалеке находится аппарат и перед ним начали произносить речи, которые записывались на пластинку. Здесь, помимо других, "увековечил" свое слово и свой голос болгарин Борис Коцев. У меня создалось убеждение, что по существу эта была самая важная часть программы. После этого, нам показали какие-то кусты сирени, по возрасту которых, якобы можно было судить о времени, с которого датируются могилы и еще здесь мы с д-ром Койчевым отметили, каким слабым доказательством являются эти кусты ,которые всегда могут быть пересажены из другого места, также как и другие целые деревья.

Из парка нас повели в одно из зданий в городе, в какое-то немецкое учреждение, где в одной комнате были расставлены, как в музее ,какие то предметы, найденные на трупах и во рвах. Я не помню сейчас, какие и сколько предметов имелось там. Помню, однако, молитвенные четки, которыми пользуются католики - верующие, а не православные, сейчас я припоминаю и о какой-то религиозной книжке (евангелие, или что то другое - на помню) не на русском , а на другом языке, напечатанной латинскими буквами, вероятно, польская. И здесь, как и в других местах, мы с д-ром Кой-

✓ чевым, делились впечатлениями и я указал на эту особенность, напомнил ему один факт из предыдущего вечера, а именно: я спросил одну женщину, очевидно, местную жительницу из тех, которые бродили взад и вперед вокруг развешанной на веревках одежды, - я ее спросил, что здесь было раньше. Она ответила мне, что здесь был парк культуры и отдыха; но после неуловимой паузы колебания она тихо и почти шепотом добавила: "А раньше - польское кладбище, так и называлась эта местность - польское кладбище". Так вот я припомнил это и мы комментировали его в том смысле, что очень естественно и возможно на обыкновенном кладбище польского, католического населения (в этом городе и в этой области жило, а может быть и живет много поляков) найти католические молитвенные четки, католические религиозные книжки и прочее. Я возвращаюсь к утреннему посещению парка, потому что я забыл отметить немного выше один факт, который также произвел на меня огромное впечатление - я имел его ввиду, но забыл отметить его - а именно: когда мы подошли к трупам и развешанной на веревках одежде и лохмотьях, утром - там не только не было той толпы местных жителей и жителей близлежащих сел, о которых немцы сказали, что они якобы каждый день приходят для того, чтобы узнавать по одежде и трупам своих исчезнувших близких людей, не только не было толпы, говорю я, но вообще не было никого, кроме немцев и ведомых ими местных чиновников (городской голова и другие). Эта толпа, эти люди находились там вечером, они бродили, некоторые женщины рыдали (без слез!) - а сейчас не было

никого. Я сделал про себя единственное логическое заключение: вечером нас, "гостей", ожидали, для нас была приготовлена и церемония в виде нескольких попов с хором, для нас были подготовлены и женщины, "опознающие" своих близких по лоскуту полусгнивших брюк, по какому нибудь парусиновому ботинку, каковых тысячи. Этими своими комментариями я поделился с д-ром Иваном Койчевым. Открываю скобку: я часто упоминаю имя д-ра Ивана Койчева, потому что постоянно я бывал только с ним и мы вдвоем откровенно критиковали, я считаю, что если он более или менее хорошо помнит, он сможет засвидетельствовать также это, что я пишу, как добросовестный свидетель. Я не делился впечатлениями и критикой с другими, потому что о Борисе Коцеве не могло ^{быть} речи, а когда я попытался подвергнуть что-то сомнению (не помню точно, что именно) перед профессором Станишевым, его недовольство было настолько очевидно для меня, что я что-то пробормотал и не осмелился больше пускаться в откровенные разговоры. Закрываю скобку.

После музея, который в общем был до смешного неубедительным и недостаточным, но в котором какой-то немец в форме давал объяснения (на немецком, я их не понимал), нас повели в военную гостиницу и после завтрака в ресторане, отвезли на машинах - на аэродром. По пути, ни с того, ни с сего, остановились для того, чтобы показать нам какую-то фабрику конфектную, консервную и какую-то другую (подробно не помню), не представляющую никакого интереса ни с технической, ни с организационной, ни с социальной точки зрения - если не для того, может быть, чтобы снаб-

дить каждого из нас килограммом мятных леденцов! Вечером мы прибыли в Берлин и нам сказали, что мы свободны выехать на следующий день, однако, билеты на поезд выдавались лишь на третий день, так что пришлось потерять в Берлине целый день. По крайней мере не было ни "гида", ни других местных людей, и никаких встреч или вечеров. В Софию я возвратился опять таки вместе с д-ром Койчевым. Еще в этот "свободный" день в Берлине, также как и по пути в вагоне, не раз и с подробностями мы анализировали констатированные факты, заключения, которые нужно было сделать из них - не будучи экспертами, но как об"ективные, разумно рассуждающие люди - и то глупое положение, в котором мы оказались. Вот приблизительно ряд наблюдений и ход моих рассуждений, насколько я могу их восстановить теперь, спустя полтора года. (О своих наблюдениях я на месте делал совсем коротенькие заметки на одной страничке своего карманного календаря и долгое время сохранял этот листочек, в последнее время я снова его нашел и сохранил его в своем портфеле. Но сейчас здесь я пишу по памяти и я уверен, что по крайней мере самое важное я хорошо помню).

Что налицо имеется много трупов - это действительно так, но когда, где и в какой последовательности умерли или были убиты эти люди - мы не эксперты, т.е. не имеем специальных знаний, чтобы судить об этом, и не производили вскрытий и осмотра. Следовательно мы должны пользоваться чужими знаниями и результатами (чужих вскрытий, т.е. данными чужих экспертов для того, чтобы иметь возможность определить это. Но для этого не было необходи-

мости ездить в Винницу, или же смотреть издали на группы. (Поэтому и демонстрации немецкого врача не интересовали, как я об этом сказал на странице 11-й). Что это значит? Нас хотят убедить в чем-то через общую обстановку и косвенные факты. Но о чем говорят многие из косвенных фактов? 5-6 женщин плачущих около ям и развешенная на веревках одежда и лохмотья, также как и бродившие около них "для опознания" своих близких, были один лишь единственный день, а на другой день они совершенно отсутствовали. Это было либо грубым промахом со стороны организаторов программы, либо смешной наивностью верить, что после того, как мы один день видели оплакивающих, они больше и не нужны. И в том и в другом случае неестественность положения была очевидной, и эта неестественность свидетельствовала вполне убедительно о том, что здесь имеется что-то фальшивое. Второе. Настойчиво подчеркивался возраст кустов сирени (кажется, я не ошибаюсь, это была сирень, выросших на могилах с мертвецами), чтобы доказать, что давность этих могил датируется многими годами (о скольких именно годах шла речь - не помню), т.е. что они датируются еще до времени вторжения немцев. Но и это представляет собой наивное доказательство, - ведь каждый знает как легко ^{по}желанию пересадить старые кусты сирени на другое место. Третье. Указывают в качестве доказательства на молитвенные четки, которыми пользуются католики - поляки. А это место когда то было кладбищем, - обыкновенным гражданским кладбищем - местных поляков, но разве не естественно, чтобы действительно где-нибудь в почве уцелели и не сгнили одни четки? Потому что дейст-

вительно были показаны одни четки, одна молитвенная книга и то опять-таки польская и т.п. Четвертое. Муниципальный советник (или кто его знает кем он был в действительности) который сидел напротив меня на вечере в Виннице, в ресторане, довольно старый местный житель, бывший землевладелец (помещик), как он сказал мне, а тогда находящийся на муниципальной службе у немцев - за все время наших разговоров точно также старательно избегал политических разговоров, как и я, умышленно избегал их. Я избегал политические темы, потому что ни сам этот старик, ни его политические мнения и понимания не представляют для меня интереса; я хорошо его обругал по всей форме за отсутствие забот о детях и вообще о местном городском населении. Однако, почему он ни слова не сказал, почему он не заикнулся, как говорят, о рвах и мертвецах в парке и вообще на эту тему, которая привела "гостей" на этот ужин? Как раз это была тема для разговора в данной обстановке - а старик упорно молчал. Для меня это молчание было молчанием виновного. Молчанием человека, находящегося в фальшивом положении - и это самое меньшее, что можно было подумать о нем.

Этот ряд наблюдений и суждений, а также некоторые другие вероятно более мелкие, потому что сейчас я не припоминаю о них, сколько бы ни напрягал своей памяти - в своей совокупности создали у меня убеждение, что многие вещи вокруг Винницких могил таинственны и что вообще вся сфера специально создана в политических целях. Это окончательное заключение, в которое я верил (я дойду и до него)

122

еще до моего отъезда в Винницу, я сообщил и д-ру Ивану Койчеву, который также воспринял его во время нашего обратного путешествия в Софию. После этого мы решили больше не говорить по этому вопросу и действительно больше не говорили, потому что все нам было ясно.

Не помню в какой день, но вскоре после своего прибытия я встретился с министром Габровским для того, чтобы представиться ему и доложить ему о своей поездке. Свой доклад я сделал устно, а не в письменной форме, причем с самого начала я предупредил его, что изложу ему все откровенно с риском понести все последствия, так как иначе, по совести и по своему пониманию я не могу поступить. По некоторым пунктам, которые были у меня записаны на листочке (как принято делать текущие деловые доклады) я изложил ему именно то, что сказано выше на стр. с 14 до 16, не упоминая о том, что я делился мнениями с д-ром Иваном Койчевым, чтобы не компрометировать его. Министр Габровский выслушал меня очень внимательно и задал мне также дополнительные вопросы для того, чтобы выяснить лучше мои мысли. В конце, когда я закончил, он спросил меня: - "Значит вы думаете, что это инсценировка?" (Это, наверно, почти точная его фраза, потому что я помню, что он употребил слово "инсценировка"; я перед ним избегал это слово произносить, заменяя его другими равнозначущими выражениями). Я откровенно ответил ему, что отвратительная реальность, многочисленные трупы, - налицо, но фальшивое положение действительно убеждает меня, что все вокруг этих трупов является инсценированным. Я заявил, что знаю, чем я

рискую, высказывая свое мнение, но что не могу иметь другого мнения. С той же откровенностью я заявил, что я ничего не буду говорить, писать или что-либо предпринимать, потому что, свое настоящее мнение я не могу публично выражать (это мне не позволили бы сделать), а инструментом для антикоммунистической пропаганды я никогда не стану. Министр помолчал довольно нахмуренный, сказал что-то вроде "хорошо" или что-либо подобное и перешел к текущему докладу с подписыванием приказом об ежедневных персональных изменениях. На этом закончился мой доклад о Виннице и позднее никогда ни одним словом министр Габровский не возвращался к этому вопросу.

Не помню сколько времени прошло, во всяком случае довольно продолжительное время после возвращения, я получил личное приглашение с обозначением моего официального должностного титула (т.е. д-р И.Б., Гл. дир. Нар. здравоохранения) на вечер к немецкому полномочному министру Бекерле. Это был в первый раз, что меня "удостоили" подобным приглашением, потому что в немецких кругах, судя по случайным разговорам и намекам того или другого, меня не любили и я не старался завязать никаких знакомств с ними, также как и они со мной - поэтому я был крайне удивлен этим приглашением. Однако, вскоре после этого мне позвонило по телефону какое-то лицо из миссии и спросило у меня: получил ли я приглашение, и свободен ли я, чтобы присутствовать, на что я ответил, разумеется, утвердительно - это был вопрос этикета по отношению к иностранной миссии, я был высшим должностным лицом. Я отлично помню, что немного времени спустя мне позвонил д-р Иван

Койчев, который сообщил мне, что он получил приглашение на вечер, - и для меня стало ясно по какому поводу устраивается вечер. Надо было пойти. На этом вечере я увидел и других болгарских должностных лиц, которые ездили в Винницу, либо в качестве экспертов - это был д-р Марков, если я не ошибаюсь в имени, потому что впервые там, на вечере у Бекерле, я познакомился с ним - либо в качестве гостей, каким был один архимандрит или епископ, имени его не помню. Они не были в Виннице тогда, когда я был там. На вечере присутствовали еще профессор Станишев, Борис Кочев, д-р Иван Койчев. Это было в доме Бекерле, который "познакомился" со мной, т.е. вел себя, как при первом знакомстве - что, впрочем, было правдой, потому что за исключением беглого представления на улице, вечером, когда было темно, перед гостиницей в Скопле (Бекерле ездил со своей женой) я с ним до тех пор не был знаком. А он также, думаю, вряд ли помнил это знакомство на скорую руку. Я так подробно останавливаюсь на этой стороне вопроса для того, чтобы пояснить, что лично и в служебном отношении я не находился в контакте с этим господином. На вечере хозяин Бекерле обменялся со мной вряд ли больше, чем 20-30 словами (на французском языке), а хозяйка, его жена - ни одним. Разговор вращался вообще вокруг общих тем на немецком языке, но из этого я очень многого не понимал. После ужина в гостиной происходили разговоры, которые продолжались довольно долго. Не помню, чтобы говорили о Виннице, а если кто-нибудь между собой и говорил по-немецки, то я допускаю, что не понял. На этом закончился "протокол" поездки. В дальнейшем ни разу и ни по какому случаю меня

не беспокоили вопросом о Виннице, ни официальные власти, ни немецкие круги. В течение долгого времени и в Дир. Нар. Здравоохранения никто не знал, что я ездил в Винницу. Я ни с кем не разговаривал на эту тему, газеты поместили хронику о моей поездке, как о поездке "по службеным делам" в Германию. Впоследствии в единичных случаях какой-нибудь знакомый или приятель спрашивал меня верно ли то, что я был в Виннице и что я там видел; я всегда отвечал отрицательно. Со своей собственной супругой я не обменялся ни единым словом; хотя она и знала, когда я выехал, куда я ----- еду.

Только после 9 сентября этого года в разговоре с министром народного здравоохранения д-ром Рачо Ангеловым, когда он однажды сказал мне, что за мою поездку в Винницу я могу быть привлечен к ответственности, впервые я ему изложил целиком виденное мною и всю историю, как и мое поведение - для того, чтобы об"яснить ему (может быть он вспомнит это), почему, не будучи замешан в судебно-медицинской или технической или какой бы то ни было другой экспертизе я не стал проводником или орудием антикоммунистической или антисоветской пропаганды, я своим поведением скорее был для немцев неприятным свидетелем этой аферы, чем тем, что они ожидали; что у меня имеется скорее заслуга и если условия позволили бы, в свое время я писал бы о Виннице, но не то, что немцы или наша пропаганда ожидали бы (разумеется, нельзя было и думать о том, чтобы писать).

Я не помню вообще, чтобы я говорил с другими людьми о Виннице и после 9 сентября этого года. Не раз меня охватывало желание написать о Виннице теперь, в свободной печати, но

меня останавливало /попытаться написать/ не столько неизвестность, как будет воспринята подобная статья в какой-нибудь газете, а меня удерживало опасение, что могут подумать, даже и только редакции газет, что я теперь пытаюсь понравиться власти Отечественного фронта. Ибо лишь несколько человек знает, что я действительно искренен в своих убеждениях и что это я доказал на деле еще будучи главным директором народного здравоохранения /среди этих немногих людей является министр д-р Рачо Ангелов, его главный секретарь д-р Конст. Куситаев, директор д-р Драгомир Матеев, начальник адм.отд. д-р Борис Пешен⁸/. При таких рассуждениях, желание выступить и осветить перед обществом что-нибудь по вопросу о Виннице отпадало и сам вопрос казался мне уже беспредметным.

Г-н народный обвинитель поставил мне вопрос, из которого не мое поведение, а скорее факт моей поездки в Винницу ставится в другом свете, а именно, что мое имя и должность, замешанные в Винницком деле, хотя и не как "эксперта" /каким я не был/ и хотя не включенные ни в какие протоколы и документы, служат в качестве материала для немецкой пропаганды самим фактом моей поездки в Винницу, т.е. служат этой пропаганде для клеветы против великой страны Советского Союза. Я признаю, что, если рассматривать мою поездку в этом свете, то она подлежит осуждению, что я должен был во что бы то ни стало отказаться, а я не отказался. Может быть не имеет значения, но по крайней мере, для меня лично и для моей чести имеет большое значение, чтобы я здесь подчеркнул, что мое малодушие в том, что я подчинился и поехал в Винницу (не в качестве эксперта!) для того, чтобы сохранить свою должность в качестве главного директора, объясняется не тщеславием или

низменными соображениями в погоне за славой или денежными соображениями (зарплата). Я был влюблен в свою работу и был рабом своей работы по охране здоровья болгарского народа. Мне было тяжело распрощаться с тем, что было для меня жизнью. Каждый, кто хотя бы немного меня знает - и друг, и враг - подтвердит это. Я просил бы не для иного, а для достоинства моего имени и за мои заслуги в течение моего 5-летнего труда по охране здоровья болгарского народа от эпидемии и зла, чтобы сказанное мною выше (мое пристрастие к моей работе) подтвердили, например, нынешний министр народного здравоохранения, его помощники, имена и должности которых я упомянул немного выше и которые меня знают. А если действительно немецкая пропаганда вплела мое имя и должность в свою клеветническую пропаганду против России, страны, в которой я учился, долгое время жил, служил и лечил русский народ, в рядах армии которого я служил во время европейской войны в 1914-15 г.г. против Германии, в которой я женился, имел детей, жена русская, одним словом, которую я ^{страстно} страстно люблю (даже семья дома у меня говорит по-русски) - если действительно России, безразлично какой режим господствует в ней (потому что я служил там и при нынешнем ее режиме), я нанес вред или оскорбление, хотя бы из-за несообразительности - я действительно провинился. Но я хотел бы поставить на другую чашу весов очевидные и бесспорные факты, что я ни одним словом, ни одним звуком, ни одним жестом, вообще никаким способом не проявил себя (ни до, ни после моего возвращения из Винницы) недостойным по отношению к России, что ни единым действием я не стал вольным или невольным орудием для пропаганды и клеветы против

Советского Союза. А кроме того, не имея возможности, в силу обстановки, лично проявить себя открыто другом Советского Союза, то, по крайней мере, я не раз и не одним своим действием помогал и давал убежище друзьям Советского Союза. Только потому, чтобы это не звучало голословно - поскольку это вышло из под моего пера - я снова сошлюсь на тех же: министра народного здравоохранения д-ра Рачо Ангелова, д-ра К.Куситаева, д-ра Маркова, д-ра Б.Пешева, и я мог бы назвать много других. Моя мысль состоит в том, чтобы подчеркнуть, что в моих действиях и поведении вообще и в частности в отношении к Виннице, я добросовестно, по убеждению и честно старался уберечься от того, чтобы бросать грязь в Советский Союз и не допустить, чтобы меня использовали как орудие. Мне кажется, что в этом смысле меня нельзя упрекнуть. Винницей я нанес удар немецкой пропаганде, разумеется только перед министром, потому что никто тогда не мог бы позволить себе сделать что-либо большее. Но мое имя не опозорено даже тенью жеста против России.

Вышеизложенное я написал собственноручно, о чем и подписываюсь
Д-р Балканский

С подлинным верно:
Председатель Третьего Верховного Состава
Народного Суда - София (Борис ЛОЗАНОВ)

Министерство Юстиции удостоверяет, что учиненная на предыдущей странице подпись Главного Прокурора при Верховном Кассационном суде Бориса ЛОЗАНОВА - Председателя Третьего Верховного Совета Народного суда - София является доподлинной.

София, 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского Отдела (Д. Добрев)

(печать)

Министерство Иностранных дел и Исповеданий удостоверяет подлинность вышеучиненных подписей и печати Министерства Юстиции.

София, 21/III-1946 г.

Секретарь Консульского Отдела
Драгоман кассир /подпись/

/печать/

Настоящий документ легализован в Консульском Отделе Миссии Союза ССР в Болгарии.
гор. София - 21 марта 1946 г.

Заведующий Консульским Отделом
Миссии Союза ССР

№ 122

/подпись/

/печать/

Настоящая связка содержит 32 /тридцать два / листа

Начальник Уголовного Отдела
Министерства Юстиции

/Ст. Станев/

/печать/

ПЕРЕВЕЛ:

/В А Л Е В Л. В. /

Отп. 3 экз.
мб/ег.